

Д. Мийе-Жерар

Русское присутствие во Франции 1920–1930-х гг. на страницах журнала «Золотая трость»

В 1920-е гг. во Франции в атмосфере «безумных лет», когда снизилось послевоенное напряжение, и в интеллектуальной сфере через экстравагантность сюрреализма и либерального конформизма, а также салонного NRF¹, чувствовалась необходимость предоставить поддержку духовному возрождению, рожденному Великой войной. Именно здесь появились два престижных издания: коллекция, названная «Золотая трость» (1925–1932), публикуемая издательством “Plon”, и журнал «Всенощное бдение» (1930–1933), издаваемый “Grasset”². Следует отметить, что на своих страницах они приветствуют авторов – представителей русской эмиграции, и таким образом способствуют не только сохранению связи с великой страной, отныне изолированной ужасным политическим режимом, но также более внимательному знакомству с русской душой и православной верой. Этим русским голосам, звучащим в переводе, вторят размышления французских авторов; таким образом, на страницах этих изданий создается площадка для культурного обмена, который мы рассмотрим здесь на примере произведений, вышедших из-под пера А. Ремизова и Б. Зайцева, с одной стороны, а также Жака Ривьера³ и Пьера Лафю, с другой стороны. Но именно великая личность Н. Бердяева с его «Новым Средневековьем» доминирует над всем этим и придает ему логичность. После изучения литературного и духовного контекста той эпохи, оказавшей влияние на творчество этих писателей, мы рассмотрим образ России, чтобы попытаться более или менее четко прояснить связи между эстетикой и духовностью.

**Доминик
Мийе-Жерар,**
профессор,
университет
Сорбонна – Париж 4
(Париж, Франция)

Контекст

Журнал «Золотая трость» получил свое название от XXI главы «Апокалипсиса», где золотая трость служит эталоном измерения

небесного Иерусалима⁴. Декоративный, не лишенный ассоциаций, характерных для символизма и модерна, этот знак не по душе суровому Ж. Маритену⁵, одному из четырех основателей издания, который оправдывает «красивую форму» глубиной смысла: «Для нас золотая трость означает, что духовные вещи не являются мерилем для всего мира»⁶. Три других со-учредителя — Анри Массис⁷, Фредерик Лефевр⁸ и Станислас Фюме⁹ — тщательно продумали концепцию журнала (в тетради номер 8 от 150 до 250 страниц, на бумаге альфа, в легко узнаваемой обложке, то цвета синего льна, то коричнево-бордового цвета, с богатым, логичным и увлекательным содержанием). К сожалению, меньше чем через два года после выпуска первого номера кризис политической организации «Аксьон франсез» окажется губительным для дружеских отношений между коллегами¹⁰. Всего было издано пятьдесят три номера, из которых только первые тридцать выходили с регулярной периодичностью — каждый месяц. Необычность данного издания заключается в чередовании монографий и коллективных сборников под названием «Хроники золотой трости», где переплетаются разные литературные жанры: эссе, поэзия, сказка, драма. Так, в номере “Chroniques” в декабре 1925 г. был напечатан «Атласный башмачок»; заслуга издателей есть и в появлении в «Золотой трости» (не считая французского перевода «Нового Средневековья», о котором мы еще поговорим) произведений, которые были написаны Ж. Бернаносом¹¹ («Под солнцем Сатаны») и Ж. Грином («Адриен Месура», «Левиафан»). Публикация не намеревалась быть строго религиозной: «Большинство сотрудников “Золотой трости” — католические писатели. Между тем эта коллекция не представляет одну конфессиональную коллекцию. Она публиковала и будет публиковать православных писателей, евреев или протестантов»¹². Таким образом, Россия вышла на «сцену». Среди опубликованных текстов нас особенно интересуют следующие переводы: эссе Николая Бердяева «Новое Средневековье», «Размышления о судьбах России и Европы»¹³, поэма «Страсть Девы» и сказка «Петушок» Алексея Ремизова¹⁴, рассказ-жизнеописание «Преподобный Сергей Радонежский» Бориса Зайцева¹⁵; из текстов французских авторов: «Россия» Жака Ривьера, написанная им после пребывания в плену в 1916 г.¹⁶; «Франция, потерянная и обретенная» Пьера Лафю¹⁷. Это единство, сотканное в 1927–1928 гг., позволяет нам составить представление о том, как тогда воспринимали Россию во французском католическом интеллектуальном мире.

Однако именно тексты Н. Бердяева помогали понять, что основные размышления французских духовных мыслителей о нравственном состоянии нации были сходны с русскими, несмотря на то, что ситуация в России была более драматической. Во введении переводчица уточняет, что, несмотря на восторженные отзывы о романах Ф. М. Достоевского, «мы, французы, еще многого не знаем о русской мысли»¹⁸, в частности, «о духовных нитях», лежащих в ее основе: «“пневматическое” движение последних 25 лет XX века происходит параллельно с духовным и религиозным возрождением, которое имело место

во Франции в то же время»¹⁹ и которое нашло отражение в журнале русской религиозной мысли «Путь»; к этому же периоду относится путешествие Н. Бердяева в Париж²⁰. В первое время он настаивал на истощении созидательной силы человека, которая была настолько сильной на Западе в эпоху Возрождения, что сразу же иссякла, чтобы перейти в новое время «капитализма и социализма»²¹ с наивысшим проявлением «истощения и расточительства»²²: это конец эпохи, «мировая война» небывалой жестокости, ставшая результатом системы²³. О чем-то похожем речь шла и в заявлениях Ж. Бернаноса, сделанных в ту эпоху в открытой форме или зашифрованных в романе «Под солнцем Сатаны». Вторая часть, совершенно противоположная первой части, старается объяснить ситуацию в России с точки зрения Ж. де Местра: не зная ничего о феномене Возрождения, «русский народ все время был (что его и характеризует) оторван от остального мира, а русская душа всегда оставалась загадкой для Запада»²⁴; ввиду незнания римского права русским было присуще буржуазное понимание собственности; «новая русская буржуазия», появившаяся во время революции, есть «новый антропологический тип»²⁵. Следовательно, разложение общества в различных формах похоже в Европе и в России, которая «завладела последними плодами европейского гуманизма в период его саморазложения и самоистребления, когда он окончательно обратился против человеческого образа. И ни один народ не доходил до таких крайностей в истреблении человеческого лика, человеческого права, человеческой свободы»²⁶.

Только христианское движение, природа которого остается неясной, может спасти обе части света: «Мы переживаем состояние, схожее с падением Римской империи и античной цивилизации III века, когда только христианство духовно спасло мир от гибели и окончательного разложения»²⁷.

«Новое Средневековье», наступление которого предвидит Н. Бердяев, не могло бы быть рабской копией прежнего. Народ отделился от веры, именно интеллектуалы должны были обнаружить и передать духовную силу²⁸ — это и есть направление «Золотой трости», и именно эту цель определяет для себя русская эмиграция²⁹.

Волнующее и вместе с тем неожиданное свидетельство чтения и согласия с идеями этой книги находится в открытом письме, написанном со звучанием, присущим пегистам, на Майорке, и опубликованное Ж. Бернаносом 16 августа 1936 г. в газете «День» в начале войны в Испании, в то время когда каталонские экспедиционные силы высадились на остров. С удовольствием отметив, что событие «быстро избавило от грубиянов всех национальностей, которые просто сбежали при первой же опасности», читаем: «я просто скажу, что этот великий народ сегодня останется в согласии со своим наиболее глубоким инстинктом, своей древней традицией, которая состоит в том, чтобы подтверждать прежде всего его духовное и религиозное единство, по необходимости железом и огнем.

Можно сожалеть об этой братоубийственной борьбе. Но к чему! лучше вести бой и умирать ради алтарей и ради его богов, чтобы обеспечить, например, национальную торговлю, экономические рынки сбыта.

Я добавляю, что коммунизм, который может разрушить много, не построит здесь ничего долговременного. Вопреки видимости, "требования" Наварры и австрийских монархистов были так далеки друг от друга, как и концепция социальной жизни, согласно которой человек должен быть принесен в жертву государству. Это люди Средневековья. Если новое Средневековье, о котором говорит Бердяев, однажды наступит, это произойдет на той старой земле, где живет единственная европейская раса, сохранившая все несовершенства и всю добродетель детства, его самоотверженность, героизм и, увы, жестокость»³⁰.

Образы России

Перед тем как вернуться к этой «пневматической» России, о которой упоминает Н. Бердяев, мы обратимся к двум свидетельствам, одно 1916 г., которое подтверждает его мнение, а другое — 1917 г., которое ему противоречит. В концентрационном лагере Кёнигсберга, где также находятся русские военнопленные, он размышляет над «странным русским»³¹, и приводит известное высказывание о России из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя³²: «но какая же тайная сила влечет к тебе?» перед тем как очертить «некоторые центры, узелки, группы характеров»³³: «союз живости, четкости, точности и бесконечности», незнание индивидуального состояния, «род единства, начальной путаницы, откуда обнаруживаются различия, но только после схожести»³⁴; отсутствие чувства собственности, обратной стороной которого были бы легкость кражи и продажность³⁵. Выводом является приглашение к западным читателям рассмотреть красоту и моральное величие равнодушия.

Все остальное является плодом личного опыта Пьера Лафю (родился в 1896 г.), который был корреспондентом газет в Швейцарии в военное время: именно по этому поводу он оказывается в Лозанне, вступает в контакт с группой революционных эмигрантов, которые влияют на него странным, гипнотическим образом: «то, что меня влекло к России, это было больше, чем интеллектуальный аппетит. Скрытое желание моего сердца, вид меланхолической напряженности, а также загадочные противоречия, которые я надеялся в ней найти, несмотря на достаточно примитивную глубину ее мысли»³⁶.

Именно внутри этой «живописной»³⁷ среды он собирался встретить В. И. Ленина в 1917 г. Автор анализирует и разоблачает портрет «варварского соблазителя»: «Когда я размышлял сегодня о роли этого завоевателя и о глубоком смысле его действий, я практически убедился, что в нем было что-то от легендарной божьей кары. Почему бы не признать благотворное влияние некоторых серьезных угроз на расслабленное сознание

цивилизации, чересчур уверенной в том совершенстве, которого она достигла? Ленин стал в наше время не только изобретателем доктрины, но скорее интерпретатором универсального динамизма»³⁸. Хулитель либеральной идеологии и западного Антихриста, «выходец из великих автократов, обращенных в сторону Азии»³⁹, «великий упрощающий»⁴⁰ к «невиданной концентрации»⁴¹, «игнорирующий мораль и честь»⁴², с огромными заслугами в глазах молодого француза, которого мучил дилетантизм его поколения, разбившего безосновательный идеализм, которому его обучали⁴³. Простой, но благотворный этап воспитательного романа позволит ему, «потеряв» Францию, вновь ее «отыскать», откуда название — «Обретенная Франция». Для Лафю это «победоносный сад»⁴⁴, возврат к французскому гению классицизма, над которым он размышляет, пересекая Люксембургский сад. «Лето так быстро опустошает деревья, чтобы лучше открыть линии и вернуть зданиям весь их смысл, так как во французском произведении цвет менее важен, чем форма»⁴⁵.

Это другой мир, все нежные краски которого открывают нам два поэта русской эмиграции — Б. Зайцев и А. Ремизов. Мы читаем народное жизнеописание святых, проникаем в сердце русской души, подвергнутой опасности новым режимом, но, как утверждал уже Н. Бердяев, «органическое» постоянство которой глубоко связано с «сущностью народной воли, что делает ее праведной, истинной и святой»⁴⁶. Борис Константинович Зайцев показывает жизнь святого Сергия Радонежского, одновременно религиозного и политического героя русской истории XIV в., уважаемого самими татарами, духовника Дмитрия Донского. Предисловие к рассказу-жизнеописанию ясно свидетельствует о намерении возвеличить Сергия, которое можно сравнивать с намерением Ж. Бернаноса, в то же время восхвалявшем Жанну д'Арк и Святого Доминика: «Татары. Если бы они приблизились к монастырю, не атаковали бы; они умели уважать религию. ...Но наш век взял на себя право разрушить монастырь, оскорбить реликвии Святого. Однако напрасно мы затемняем его образ. Те, кто проживает в окрестностях монастыря, создали уже легенду, по которой подлинные реликвии были зарыты в землю: таким образом Святой был удален от этого грубого мира, как бы в ожидании лучших времен. Верят этому или нет, остается бесспорным то, что образ Сергия, после осквернения его реликвий, распространяет еще более чистый и притягивающий свет. Христос победил после распятия»⁴⁷.

В рассказе приводится несколько сравнений со святым Франциском Ассизским, образ которого был адаптирован православием: никаких красочных восторгов, никакой духовной сестры, строгость, которую только смягчали «леса, строгие и заполненные свежестью»⁴⁸. Заключение — это возможность уточнить для западного читателя способ выражения, специфичность святого русского языка: «Сергий — благоуханнейшее дитя Севера. Прохлада, выдержка и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел создали единственный образ русского святого. Сергий глубочайше русский, глубочайше православный.

Если считать — а это очень принято, — что “русское” — гримаса, истерия и юродство, “достоевщина”, то Сергей — явное опровержение. В народе, якобы лишь призванном к “ниспровержениям” и разинской разнузданности, к моральному кликушеству и эпилепсии, Сергей как раз пример, любимейший самим народом, — ясности, света прозрачного и ровного;

...В тяжелые времена крови, насилия, свирепости, предательств, подлости неземной облик Сергия утоляет и поддерживает. ...Сергий учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере»⁴⁹.

Хорошим примером добродетели является персонаж рассказа Алексея Михайловича Ремизова «Петушок». Название обозначает одновременно прозвище маленького мальчика Петьки и его небольшого петушка — две отрады доброй бабушки, живущей в Москве, в тени монастыря в неподвластной времени России, что в будущем разрушит жестокость революции. Трогательность повествования, очаровательность ребячества, которое сохранено во французском переводе, делают историю простой и легкой вплоть до драматического финала, который внезапно забирает из жизни бедной старой женщины двух ее «Петушков»: одного душит нелюдимый отец маленького мальчика, а второй погибает от пули на баррикадах. Мораль такая же, как у Б. Зайцева: «Бабушка кивала головой и уж легко подымала руку так... у чудотворцев московских, у Максима блаженного, Василия блаженного, Иоанна юродивого так руки, молебно подняты, и рука не тряслась, это свечку держала она, свой горящий, неугасимый огонек, сжигающий в сердце последнюю, безвинную, горькую, смертельную обиду, и глаза ее тихо теплились, это вера светилась в глазах ее крепкая, нерушимая, доносящая до последних дней свечечку, огонек святой через все беды, через всякую напасть, через все лишения, когда уж все отнято: петушок индейский, Петька, Петушок»⁵⁰.

Наконец, у того же А. Ремизова поэма «Страсть Девы» переведена в свободном стиле и перегружена гуманизмом, который не чужд тону Ш. Пеги; это свободное изложение Крестного пути, в котором участвует все: мироздание, начала, ангелы, птицы. В рассказе легко читается палимпсест революции, позади «Ад в волнении безумствует»⁵¹, гром⁵² или «революционеры»⁵³, которые скандируют в конце поэмы, прежде чем ей завершиться словами Христа, просто преобразованными в другие глагольные времена: «Господи, прости их: / Они не ведают, что творят»⁵⁴.

Вместе с тем знают ли читатели «Золотой трости», что их незаметно заставили не поддаваться отчаянию подобно России, которая в темные времена боролась со своей судьбой?

Эстетика

Создатели «Золотой трости» отчетливо показали духовную сторону (творчества. — *примеч. пер.*), однако они не забыли и об эстетической. Издание является требовательным:

«эстетика» служит «достоверности»⁵⁵, при этом не пренебрегая и не отвергая «новые инициативы». Маритен, как и Аполлинер⁵⁶, который, как нам известно, все чаще обращался к современному искусству, цитирует в месте для надписи и даты, чтобы защитить право на изобретательность перед правом на традиционность. Духовное послание должно стать частью возрожденного, творческого выражения, при котором не возникает вопроса о передаче исключительного права разрушителям всех мастей; такова позиция Б. Зайцева, который сознательно практиковал новый жанр жизнеописания святых для того, чтобы различать «устаревший язык летописей»⁵⁷.

Именно Н. Бердяев дает нам ключи к этому обновлению. Аргументация «Нового Средневековья» базируется на постоянно повторяющемся противопоставлении, запечатленном в истории, между «органикой» и «механикой»: «Исторический конец Ренессанса сопровождается разложением всякого организма, всего органического. В Ренессансе сохранился еще органический уклад жизни. Жизнь еще была иерархична, как и всякая органическая жизнь. Тогда еще только начинался процесс секуляризации, который, в конце концов, должен был привести к механизации жизни, к отпадению от всякого органического строя»⁵⁸.

Идет ли речь о Западе или о России, в любом случае это точка драматизма для искусства: «Современное искусство, в самых последних своих течениях, разрывает с Ренессансом, потому что оно окончательно разрывает с античностью. В современном искусстве, обращенном исключительно к будущему и обоготворяющему будущее, отдаются на растерзание человеческое тело и вечные его формы. В нем окончательно погибает человеческий образ... Футуристическая поэзия также разлагает человеческую душу, она вставляет в человеческую душу те же газетные объявления, куски стекла и подошвы, она порабощает душу шумам автомобилей и аэропланов. Разложение человеческой души началось уже в импрессионизме. Душа человека распалась на мгновения. Окончательно утерялся центр души»⁵⁹.

Начиная с Н. Бердяева, развивается размышление о прекрасном образе, искаженном современностью: у него речь идет о том, чтобы обнаружить, заново выразить этот образ. «Новое Средневековье», понимаемое как идеал, еще не наступивший в искусстве и цивилизации⁶⁰, должно «торжествовать над атомизмом современной истории»⁶¹; Россия не потеряна, но нужно терпение, чтобы ждать: «Лишь молекулярные процессы внутри народной жизни, духовные и материальные, ведут к окончанию революции, к выходу из нее... Революция, как некий органический патологический процесс, вырабатывает в своих недрах силы, которые принесут избавление от ее демонов... В недрах России, в ее первичных источниках происходят молекулярные процессы, которые и приведут к ее спасению... Самый факт жизни в советской России есть уже непрерывная духовная активность, духовное противление тем ядам, которые отравляют дыхание»⁶².

Эта глубокая идея органичности, которую создают цивилизация и искусство, находит отражение у Пьера Лафю в его размышлениях о В. И. Ленине: «Он человек, который мог как протянуть руку помощи, так и совершить государственный переворот. Бесспорно, речь идет о реальности, но кроме всего, немного о выразительности манеры артиста, чтобы ее разрушить, навязать ему образ, который он себе сформировал из нее и отыскать этот образ таким, как он его сохранил. Он не ищет того, чтобы оправдаться по какому-то факту; он вынуждает факт оправдать его. Он не идет к реальности: он заставляет реальность прийти к нему.

Однако есть сомнение, что он перегружает организм и приносит в жертву, не задумываясь об этом, человеческий фактор историческому фактору»⁶³.

Но название книги доказывает, что Запад не ускользает от этого кризиса органичности в каких-то других формах, который на основании дилетантских взглядов «несовместим с подлинным стилем, ...игнорирующим эти иерархии, пропорции, научные положения о предметах, без которых нет литературы»⁶⁴, воспроизводит «Францию искаженную и преданную»⁶⁵. Причиной является «пошлый демократический оптимизм»⁶⁶, который критикует Н. Бердяев: «Демократия носит формальный характер, она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания... Демократия возникает, когда распадается органическое единство народной воли, когда атомизируется общество, когда гибнут народные верования, соединявшие народ в единое целое... Демократия есть идеология критической, а не органической эпохи в жизни человеческих обществ»⁶⁷. Точкой завершения «победы номинализма над средневековым реализмом»⁶⁸ является современная история, которая в России «ставит опыт развития до последних граней, до черной магии наподобие коммунизма»⁶⁹ и не имеет другого пути, чем изобретение «Нового Средневековья», которое подпольно идет по России, распространяя зачатки «искусственной, высшей жизни»⁷⁰ и культуры, вытекающей из нее. «Или духовная жизнь есть величайшая реальность и в ней нужно искать большей жизни, чем во всем шуме политики, или она нереальна и тогда ее нужно отрицать, как ложь»⁷¹: именно русский народ, «народ апокалиптический»⁷², пытается решить эту дилемму.

Немаловажное место в русском символизме занимает образ нежной женщины. «Этого нет», пишет Н. Бердяев, «не эмансипированная и уподобленная мужчине женщина, а вечная женственность должна играть большую роль в грядущий период истории»⁷³. Эти женщины «предназначены быть, как в Евангелии, мироносицами»⁷⁴, мы находим в них поэтический тип бабушки и Девы страсти А. Ремизова.

Рассмотренная нами тема нуждается в дальнейшем исследовании и синтезе образов России, которая открывается в многочисленных и разнообразных отношениях между русской эмиграцией и французской духовной средой, счастливой встретить родственные души в агрессивной пустыне идеологии Третьей республики. Однако невозможно оста-

ваться равнодушным к рецепциям на высказывания Н. Бердяева, которые в искаженном виде можно сегодня встретить: в то время, когда «пневматическое» движение утверждается в России, которая уже частично обрела себя, западные «демократии» раздражаются в официальном неприятии любых корней христианской духовности. Сможет ли французский язык, который сумел в 1920–1930-е гг. стать проводником высокой и благородной мысли через тома «Золотой трости», стать подлинно глубоким средством укрепления франко-русской дружбы?

Перевод с французского Л. В. Слуцкой

¹ См. письмо Маритена аббату Журне от 14 февраля 1925 г.: «центр духовной перегруппировки современной литературы в настоящее время есть лишь в NRF» (цит. по: *Barré J.-L. Jacques et Raïssa Maritain. Stock, 1995. P. 260.*) — “La Nouvelle Revue Française” — французский литературный журнал «Новое французское обозрение», который пользовался огромным влиянием в период между мировыми войнами, основан в 1908 г. группой творческой молодежи. В годы Первой мировой войны не издавался (примеч. пер.).

² Именно “Vigile” опубликовал в «Четвертой тетради» (1930–1931 гг.) переписку между В. Ивановым и М. О. Гершензоном.

³ Жак Ривьер (1886–1925) — литературный критик, главный редактор журнала “Nouvelle Revue Française” с 1919 по 1925 г. (примеч. пер.).

⁴ Ар. 21, 15: «Говоривший со мной имел золотую трость для измерения города, и ворот его, и стены его».

⁵ Жак Маритен (1882–1973) — французский католический философ, теолог, основатель неомизма (примеч. пер.).

⁶ *Maritain J. Présentation de la collection // Le Roseau d’Or, 5 = Chroniques № 1. 1925. 1er décembre; Repris dans J. et R. Maritain // Œuvres complètes. Vol. 3. éd. Universitaires, Fribourg / éd. Saint-Paul, Paris, 1984. P. 1382.* — Другие документы в переписке Ж. Маритена с аббатом Журне в 1925–1929 гг. (éd. Universitaires, Fribourg / éd. Saint-Paul, Paris. Vol. I. 1996) и в статье М. Брессолета «Жак Маритен и Золотая трость» (*Littératures. 1984. № 9–10*).

⁷ Анри Массис (1886–1970) — французский литературный критик, эссеист, публицист, историк, сторонник католического возрождения (примеч. пер.).

⁸ Фредерик Лефевр (1889–1949) — французский писатель, литературный критик, публицист (примеч. пер.).

⁹ Станислас Фюме (1896–1983) — французский эссеист, поэт, издатель, сторонник католического возрождения (примеч. пер.).

¹⁰ Разъяснение о прекращении выпуска коллекции будет дано в первом номере нового издания “Les filles” (библейское название: *Isaïe et Ps*), в статье, помещенной в начале и подписанной Ж. Маритеном. Приговор «Акссьон франсез» будет объявлен 29 декабря 1926 г.

¹¹ Жорж Бернанос (1888–1948) — французский писатель, участник Первой мировой войны, католик, монархист.

¹² Ответ Маритена на опрос “*Revue et Journaux littéraires*”, 1928, cité dans // *Œuvres complètes, III, op. cit. P. 1384.*

¹³ *Le Roseau d’Or. 1927. № 13. Février.*

- ¹⁴ Соответственно в: *Le Roseau d'Or*. № 20 = *Chroniques* № 4. 1927. Août. P. 83–100, перевод В. de Schlœzer et J. E. Pouterman; *Le Roseau d'Or*. 4e série. № 9 = *Chroniques* № 9. 1930. Mars. P. 83–128, перевод Jean Chuzeville.
- ¹⁵ *Le Roseau d'Or*. № 30 = *Chroniques* № 6. 1928. Juillet. P. 191–310, перевод С. В. Ковалевского.
- ¹⁶ *Le Roseau d'Or*. № 14 = *Chroniques* № 3. 1927. Mars. P. 81–100.
- ¹⁷ *Le Roseau d'Or*. № 18. 1927. Juin.
- ¹⁸ *Un nouveau Moyen Âge*, op. cit. P. I.
- ¹⁹ *Ibid.* P. III.
- ²⁰ См. диссертацию Людмилы Андреевой “Ernest Hello et la Russie”, защищенную 17 января 2003 г. в Université Paris-Sorbonne, dir; D. Millet-Gérard.
- ²¹ *Un nouveau Moyen Âge*. P. 126.
- ²² *Ibid.* P. 35–39.
- ²³ *Ibid.* P. 127.
- ²⁴ *Ibid.* P. 208.
- ²⁵ *Ibid.* P. 220–221.
- ²⁶ *Ibid.* P. 83.
- ²⁷ *Ibid.* P. 196.
- ²⁸ *Ibid.* P. 158–159.
- ²⁹ *Ibid.* P. 205.
- ³⁰ Cité dans Bernanos, *Correspondance inédite, 1934–1948, Combat pour la liberté*. Plon, 1971. P. 151–152.
- ³¹ “Russie”. P. 86.
- ³² I, XI.
- ³³ *Ibid.* P. 89.
- ³⁴ *Ibid.* P. 91.
- ³⁵ *Ibid.* P. 96.
- ³⁶ *La France perdue et retrouvée*, op. cit. P. 113.
- ³⁷ *Ibid.* P. 116.
- ³⁸ *Ibid.* P. 129.
- ³⁹ *Ibid.* P. 132.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 154.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 134.
- ⁴² *Ibid.* P. 151.
- ⁴³ *Ibid.* P. 151. — Далее он уточняет: «Я попытался исправить, исходя из опасных случайных советов, радикальную ошибку моих воспитателей, которые отказываясь захватить мою душу, оставили ее на откуп всевозможных предательств и ничего не сделали, чтобы сориентировать мои попытки индивидуального расследования во Франции».
- ⁴⁴ Название последней главы.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 216.
- ⁴⁶ *Un nouveau Moyen Âge*, op. cit. P. 252–253.
- ⁴⁷ *Saint Serge de Radonège // Le Roseau d'Or*. 1927. № 50. P. 195–196. — Речь идет о лавре в городе Сергиев Посад, переименованном большевиками в Загорск.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 296; и до этого: P. 205, 245, 249.
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 309–310. — Намек на портрет Ф. М. Достоевского в образе душевнобольного, который был распространен во Франции в первое десятилетие XX в. против чего активно выступал, например, Андре Суаре (*Dostoïevski // Cahiers de la Quinzaine*. Huitième cahier de la troisième série, 1911).

- ⁵⁰ Petouchok // *Le Roseau d'Or*. 4e série. № 9. P. 127–128.
- ⁵¹ *La Passion de la Vierge* // *Le Roseau d'Or*. № 20. P. 84.
- ⁵² *Ibid.* P. 92.
- ⁵³ *Ibid.* P. 95, 97.
- ⁵⁴ *Ibid.* P. 100.
- ⁵⁵ *Maritain J. Présentation...* // *Œuvres III*. P. 1384.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 1385–1386. — Речь идет о поэме “*La Jolie Rousse*” (*L'Éventail*. 1918. № 5. 15 mars), это поэтическое завещание Аполлинера, где он выступает в пользу «традиции и вымысла», «Порядка и Приключения».
- ⁵⁷ *Saint Serge de Radonège*, *op. cit.* P. 308.
- ⁵⁸ *Un nouveau Moyen Âge*, *op. cit.* P. 47.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 51.
- ⁶⁰ См. об этом: *Ibid.* P. 128.
- ⁶¹ *Ibid.* P. 151.
- ⁶² *Ibid.* P. 178–179, 234–235. — См. также: P. 188: «Большевизм есть не внешнее, а внутреннее для русского народа явление, его тяжелая духовная болезнь, органический недуг русского народа».
- ⁶³ *La France perdue et retrouvée*, *op. cit.* P. 130.
- ⁶⁴ *Ibid.* P. 35. — Главным образом имеется в виду Анатоль Франс.
- ⁶⁵ *Ibid.* P. 39.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 40.
- ⁶⁷ *Un nouveau Moyen Age*, *op. cit.* P. 242–243; 248–249.
- ⁶⁸ *Ibid.* P. 131.
- ⁶⁹ *Ibid.* P. 129.
- ⁷⁰ *Ibid.* P. 281.
- ⁷¹ *Ibid.* P. 291.
- ⁷² *Ibid.* P. 292.
- ⁷³ *Ibid.* P. 103.
- ⁷⁴ *Ibid.* P. 162.

УДК 821.161.1(091)

Мийе-Жерар Д. Русское присутствие во Франции 1920–1930-х гг. на страницах журнала «Золотая трость» // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 191–202.

АННОТАЦИЯ: В статье описывается сотрудничество представителей русской эмиграции с католическим художественным журналом «Золотая трость» (“*Le Roseau d'Or*”). Название журнала заимствовано из Апокалипсиса от Иоанна и отражает духовные искания французской и русской интеллигенции. Журнал стал своего рода площадкой диалога между французской и русской эмигрантской культурами и знакомил французское общество с русской душой и православием. Всего было издано 53 номера, на страницах которых публиковались виднейшие представители русской и французской интеллигенции. Например, свой журнал публиковал работы известных французских литераторов Жака Ривьева и Пьера Лафю. Но особое внимание вызывали статьи русского философа Николая Бердяева, в которых он развивал свою концепцию «Нового Средневековья» и которые показывали схожесть видения французами и русскими духовного состояния своих наций. «Новое Средневековье», по мысли Бердяева, на-

ступит вследствие потери людьми веры, а русская эмиграция должна вернуть народу духовную силу. Крупными событиями были и публикации двух русских эмигрантских поэтов – А. Ремизова и Б. Зайцева. В статье исследуются статьи этих трех видных представителей русской культуры, анализируются представленные в них образы России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Золотая трость», русская эмиграция, Н. Бердяев, А. Ремизов, Б. Зайцев.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: профессор, университет Сорбонна – Париж 4 (Париж, Франция); mail@modernhistory.ru

Millet-Gérard D. 'Russian Presence in France in 1920–1930s on pages of "Le Roseau d'Or"'

ABSTRACT: This article is a research on cooperation of Russian emigrants with French catholic journal “Le Roseau d’Or”. Its name is taken from John’s Apocalypse and reflects the spiritual search of Russian and French intellectuals. The journal became the ground for dialogue between Russian emigrant and French cultures and presented Russian soul and Orthodoxy to French public. “Le Roseau d’Or” published in all 53 issues which included articles of prominent French and Russian intellectuals (Jacques Rivière and Pierre Lafue). Special attention was attracted to the articles of Nikolay Berdiaev, developping his idea of the new “Middle Ages”, and also to the articles of Russian emigrant poets A. Remizov and B. Zaytzev. Author analyses their articles, especially the image of Russia.

KEYWORDS: “Le Roseau d’Or”, Russian emigration, N. Berdiaev, A. Remizov, B. Zaitzev.

AUTHOR: Professor, Paris Sorbonne University (Paris, France); mail@modernhistory.ru

REFERENCES:

- ¹ Barré J.-L. *Jacques et Raïssa Maritain* (Paris, 1995).
- ² Maritain J. ‘Présentation de la collection’ in *Le Roseau d’Or*, 5 = Chroniques, 1925, no. 1, 1 December.
- ³ Bernanos G. *Correspondance inédite, 1934–1948, Combat pour la liberté* (Paris, 1971).
- ⁴ *Correspondance Journet-Maritain*, Vol. I (Paris, 1996).
- ⁵ Bressolette M. ‘Jacques Maritain et “Le Roseau d’Or”’ in *Littératures*, 1984, no. 9–10.
- ⁶ Andreeva L. *La réception en Russie d’Ernest Hello et de sa descendance spirituelle* (Ph. D. diss., Université Paris-Sorbonne, 2003).